

Международное право*Правильная ссылка на статью:*

Беляев И.Ю. Основные источники правового регулирования международного сотрудничества в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств и сходных с ними веществ // Международное право. 2025. № 2. DOI: 10.25136/2644-5514.2025.2.74066 EDN: RQRKNF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74066

**Основные источники правового регулирования
международного сотрудничества в сфере противодействия
незаконному обороту наркотических средств и сходных с
ними веществ****Беляев Иван Юрьевич**

ORCID: 0000-0002-0126-0934

ассистент; кафедра Кафедра теории и истории государства и права и международного права;
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
"Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева"
аспирант; кафедра Кафедра теории и истории государства и права и международного права;
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
"Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева"
Специалист по учебно-методической работе; Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования "Самарский национальный исследовательский
университет имени академика С.П. Королева"

443086, Россия, Самарская область, г. Самара, ул. Московское Шоссе, 34

✉ ivanbeliaef@yandex.ru

Статья из рубрики "Развитие отдельных отраслей международного публичного права"**DOI:**

10.25136/2644-5514.2025.2.74066

EDN:

RQRKNF

Дата направления статьи в редакцию:

07-04-2025

Дата публикации:

14-04-2025

Аннотация: Настоящее исследование посвящено анализу источников международного сотрудничества в области противодействия незаконному обороту наркотических средств и сходных с ними веществ. Автором подробно исследуются положения права международных договоров, а также международно-правовые обычай в аспекте их

возможности выступления в качестве источников международного сотрудничества в области противодействия незаконному обороту наркотических средств и сходных с ними веществ. Основные источники международного права изучаются системно, анализируются критерии их включения в общий нормативный объем международного сотрудничества. Отдельно исследуются критерии и принципы сформированности международно-правового обычая. Автором рассматривается нормативная природа обычной нормы на основании соблюдения двух критериев: наличие всеобщей практики и признания этой практики в качестве правовой нормы (*opinio juris*). Методология исследования включает в себя нормативный анализ положений основных международных договоров и сравнительно-правовое исследование доктринальных концепций международного сотрудничества. Автором предложено определение международного сотрудничества в области противодействия незаконному обороту наркотических средств и сходных с ними веществ, под которым следует понимать основанную на нормах международного права совместную комплексную деятельность государств по созданию и применению материальных и процессуальных международных и внутригосударственных норм в целях обеспечения глобальной и региональной наркобезопасности мирового сообщества. Автором установлено, что международные договоры (включая нормотворческие конвенции ООН), а также международный обычай являются основными источниками международного сотрудничества в области противодействия незаконному обороту наркотических средств и сходных с ними веществ. В то же время утверждается, что односторонние акты государств; акты международного правотворчества международных организаций; соглашения между государствами и международными организациями и аналогия также являются источниками международного сотрудничества.

Ключевые слова:

незаконный оборот наркотиков, международное сотрудничество, международное уголовное право, источники международного права, наркопреступления, наркотизм, транснациональные преступления, международный договор, система опосредованного применения, международный обычай

Международное сотрудничество в области противодействия незаконному наркообороту в современных условиях приобретает все более глобальное значение. Так, согласно данным УНП ООН, за последние 10 лет число потребителей наркотических средств и сходных с ними веществ увеличилось на 20% и составило 292 миллиона человек [\[1\]](#). Данное обстоятельство требует от международного сообщества координации усилий, направленных на борьбу с наркопреступлениями. В отечественной доктрине международного права сложилось несколько основных определений международного сотрудничества, которое в силу положений Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций является обязанностью государств и одним из принципов международного права. Общими элементами основных концепций международного сотрудничества являются следующие черты: 1) целенаправленность; 2) системность; 3) основанность на нормах международного права; 4) создание правовых норм и институтов. Таким образом, под международным сотрудничеством в области противодействия незаконному обороту наркотических средств и сходных с ними веществ следует понимать основанную на нормах международного права совместную комплексную деятельность государств по созданию и применению

материальных и процессуальных международных и внутригосударственных норм в целях обеспечения глобальной и региональной наркобезопасности мирового сообщества.

Международное сотрудничество в области противодействия наркопреступлениям характеризуется комплексным характером правовых норм, включающих в себя как нормы международного права, так и внутригосударственного; в зарубежной доктрине данная концепция именуется «системой опосредованного применения норм». Одной из основных проблем в рассматриваемой сфере является отсутствие «общей части» для комплекса норм, устанавливающих и регулирующих ответственность за совершение транснациональных наркопреступлений и меры противодействия рассматриваемым посягательствам. В силу комплексного характера норм, сочетания как международного, так и внутригосударственного нормативного материала, необходимо определить перечень источников международного сотрудничества в сфере противодействия наркопреступлениям.

Одним из важнейших источников международного права в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств является международный договор. Легальное определение международного договора содержится в п. а п. 1 ст. 2 Венской конвенции о праве международных договоров. Так, договор означает международное соглашение, заключенное между государствами в письменной форме и регулируемое международным правом, независимо от того, содержится ли такое соглашение в одном документе, в двух или нескольких связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования. Данное определение международного договора рассматривается как норма обычного международного права [\[2, с. 11\]](#).

Однако приведенное определение не является исчерпывающим, так как оно не распространяется на следующие случаи, перечисленные в ст. 3 Венской конвенции 1969 г.: а) международные соглашения, заключенные между государствами и другими субъектами международного права; б) между такими другими субъектами международного права; в) международные соглашения не в письменной форме. В то же время приведенные соглашения также квалифицируются как «договор» для целей международного права [\[3, с. 12\]](#).

Отнесение соглашения к категории международного договора по смыслу п. а п. 1 ст. 2 Венской конвенции о праве международных договоров рождает вполне определенные последствия с точки зрения международного права. Во-первых, активизируется комплекс соответствующих материальных и процессуальных норм подотрасли международного права – права международных договоров, начиная с принципа *pacta sunt servanda*. Поскольку Венская конвенция о праве международных договоров кодифицировала многие, но не все эти нормы, то право международных договоров носит самостоятельный характер и имеет более широкий характер чем данная конвенция.

Во-вторых, реализация принципа *pacta sunt servanda* приводит к тому, что международный договор становится источником обязательств для его участников. Появление же международных обязательств предполагает правовое регулирование средствами международного права ответственности. При этом нарушение международного обязательства государством рассматривается как международный деликт, подпадающий под действие норм обычного международного права [\[4, с. 55\]](#). Тем самым государство, заключившее международный договор, в случае его нарушения может стать субъектом не только права международных договоров, но и права ответственности государств.

В-третьих, заключение международного договора приводит не только к применению норм права международных договоров и права ответственности государств, но и к приобретению им статуса источника международного права. В соответствии со ст. 38 Статута Международного суда, к источникам международного права относятся «международные конвенции, будь то общие или частные, устанавливающие правила, прямо признанные договаривающимися государствами».

Согласно п. а п. 1 ст.2 Венской конвенции о праве международных договоров, договор означает международное соглашение, заключенное между государствами в письменной форме и регулируемое международным правом, независимо от того, содержится ли такое соглашение в одном документе, в двух или нескольких связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования. Обязательность международного договора для его субъектов определяется действием принципа обычного международного права *pacta sunt servanda*. Как указывается в Венской конвенции 1969 г., являющейся в значительной степени кодификацией обычного международного права в области международных соглашений, в ст. 26 так определяется названный принцип: «каждый договор обязателен для его участников и должен добросовестно ими исполняться».

В отношении правовой природы названного принципа среди ученых нет единого мнения. Большинство авторов считает, что *pacta sunt servanda* является принципом обычного международного права, поскольку его соблюдение обязательно не только для сторон Венской конвенции 1969 г. [\[5, с. 1\]](#). Другие же правоведы относят данный принцип к категории императивных норм *jus cogens*, которые не могут быть изменены последующими международными договорами [\[6, с. 15\]](#). Высказываются мнение и о том, что принцип *pacta sunt servanda* можно рассматривать как «общий принцип права, признанный цивилизованными нациями», что не поддерживается известными специалистами в области международного права [\[7, с. 38\]](#). Действительно, общие принципы права, признанные цивилизованными нациями указаны как самостоятельный источник международного права в пп. д в п. 1 ст. 38 Статута Международного суда. В этой связи представляется нелогичным считать основой одного источника международного права (международный договор) другой одноуровневый источник (общий принцип права). Как считает Фицумори, международный договор лучше рассматривать как источник обязательства, а единственная правовая норма, связанная с рассматриваемым принципом, заключается в обязательстве соблюдать международный договор [\[8, с. 164\]](#).

В современный период большое распространение получили, так называемые, «нормотворческие» международные договоры. Такие договоры призваны оказывать общее, а не ограниченное воздействие, и их можно противопоставить тем договорам, которые просто регулируют конкретные вопросы между небольшим кругом государств [\[9, с. 542\]](#). Многосторонние конвенции могут устанавливать даже особый правовой режим, распространяющийся на их участников. Примерами таких конвенций могут служить Женевские конвенции, Венская конвенция о праве международных договоров и конвенции в сфере незаконного оборота наркотических средств.

Многосторонние международные договоры могут быть основой для создания производных правовых инструментов, регламентирующих имплементацию договорных положений, сохраняя при этом свою связь с исходным договором как формальным источником права. На базе данных договоров могут создаваться международные органы,

имеющими полномочия принимать самостоятельные решения и издавать оперативные документы. Одними из самых известных договорных международных органов могут считаться Совет безопасности ООН и Генеральная ассамблея ООН.

Сформулированные положения в нормотворческих международных договорах не должны противоречить императивной норме общего международного права (*jus cogens*). В случае такого противоречия, как указывается в ст. 53 Венской конвенции 1969 г., договор считается ничтожным, поскольку императивная норма общего международного права признается сообществом государств в целом как норма, отклонение от которой недопустимо.

Как отмечает А. Н. Талалаев, «международные договоры играют очень важную роль в процессе создания обычных норм права международных договоров... Накопление таких договорных норм, вытекающих из параллельных международных договоров, может постепенно привести к возникновению всеобщей договорной практики, призванной государствами молчаливо в качестве обязательной обычно-правовой нормы. Многие нормы права международных договоров появились именно таким путем» [\[10, с. 6\]](#). И далее: «Парадоксальным на первый взгляд может показаться, что современное международное право есть в основном право договорное, а сам международный договор до последнего времени строился и покоился на международно-правовом обычай» [\[10, с. 4\]](#). Это противоречие метко подметил В. Н. Дурденевский [\[11, с. 31\]](#).

Другим важнейшим источником международного права наряду с международным договором является международно-правовой обычай. Формирование международно-правовых норм в сфере межгосударственной практики, имеющей нормативно-правовое значение, обусловлено отсутствием надгосударственного законодательного органа. Тем самым, в отличие внутригосударственного правового регулирования, правовой обычай сохраняет свою роль как важный источник международного права, что объясняется отсутствием законодательных и центральных органов власти на межгосударственном уровне [\[9, с. 69\]](#).

Как известно, важнейшим признаком правовой нормы является ее обязывающий характер. Однако если какое-либо положение международного права не обладает признаком обязательности для его субъектов, то это может быть вызвано следующими причинами. Во-первых, данное положение может относиться к той области права, где существует устойчивая практика, но которая устанавливается в силу всеобщего признания, а не на основании сформулированного обязательства. Например, формирование практики в ходе установившегося правила взаимной вежливости в дипломатических отношениях. Во-вторых, возможно появление практики, которая могла бы рассматриваться как потенциальный правовой обычай, но или такая практика не носит действительно общего характера, или она недостаточно последовательно установлена, или отсутствуют доказательства наличия *opinio juris*. В-третьих, сложившееся правило поведения на данном этапе или в силу своей природы не подразумевает своего оформления в форме юридически определенных прав и обязанностей [\[7, с. 4\]](#).

В правовой доктрине источники права классифицируются по различным основаниям, одним из которых является деление на материальные и формальные источники права. Наиболее ясно различия в понятиях формального и материального источников права выражено Опенгеймом: формальный источник права – «источник, из которого юридическое правило черпает свою юридическую силу». Материальный источник права

«отражает происхождение содержания предписания ... Договоры представляют собой один формальный источник права, а обычай – другой. Так, например, формальным источником данной нормы может быть обычай, а ее материальный источник может находиться в двустороннем соглашении, заключенным много лет назад, или в односторонней декларации государства» [\[12, с. 23\]](#).

Некоторые авторы в контексте источников права проводят различия между negotium и instrumentum. Обязательство, сформулированное в правовой норме, рассматривается как абстрактное образование (negotium), а документ, в котором находится данная норма, считается instrumentum. Первое понятие является «содержанием», а второе – его «контейнером» [\[13, с. 174-175\]](#).

Необходимо отметить, что концепция источников права, главным образом, ассоциируется с теорией юридического позитивизма, характерным признаком которого является идея о том, что международное право представляет собой продукт согласия государств как его субъектов [\[14, с. 35\]](#). Такое согласие прослеживается или в договорах, где оно носит непосредственный и явный характер, или в международно-правовых обычаях, которые выражают согласие сообщества государств рассматривать определенные требования к субъектам права как необходимые. Тем самым договоры и международно-правовой обычай – два основных источника международного права. Обычное право может быть найдено сформулированным в мнениях ученых или решениях международных трибуналов, которые сами по себе источниками права не являются [\[7, с. 15\]](#). С точки зрения позитивизма, международное право – коллективная воля государств, определяющее право, которому данные государства подчиняются.

Классическое определение международного права дано в известном деле SS «Lotus»: «Международное право регулирует отношения между независимыми государствами. Следовательно, обязательные для государств правовые нормы являются результатом выражения их свободной воли в конвенциях или использования общепризнанных правовых принципов и предназначены для регулирования отношений между этими независимыми сообществами или направлены на достижение общих целей. Таким образом, наложение ограничений на независимые государства не может презумироваться» [\[15, с. 18\]](#).

Если два государства заключили соглашение, обязывающее их совершать определенные действия в отношении друг друга, то данное обязательство является результатом согласования их воль, а именно – добровольно взятое обязательство, ограничивающее свободу действия каждого. Это справедливо и по отношению к многостороннему соглашению, с большим количеством участников: обязательства, налагаемые на государства-члены ООН его Уставом являются договорными обязательствами, добровольно принятыми на себя каждым государством-участником путем ратификации Устава [\[7, с. 16\]](#).

Современные авторы выделяют следующие неклассические источники международного права: односторонние акты государств; акты международного правотворчества международных организаций; соглашения между государствами и международными организациями; согласительный перечень; международные стандарты; использование аналогии как источник международного права; решения международных трибуналов; некоторые разделы естественного права (jus naturale) [\[16, с. 87-110\]](#).

Наибольшее распространение при выделении критериев, позволяющих определить

момент возникновения и содержание международного правового обычая, получила теория «двух элементов». Согласно данному подходу заключение о сформированности международно-правового обычая делается на основании соблюдения двух критериев: наличие всеобщей практики и признания этой практики в качестве правовой нормы (*opinio juris*). Названная «двуэлементная» теория легла в основу легального определения международно-правового обычая, сформулированного в пп. «б» п. 1 ст. 38 Статута Международного суда ООН. Как заметил С. Томучат, инновационность двухэлементного подхода к формированию международного обычая заключается в достижении баланса между двумя мирами – тем, который уже есть и тем, которым он должен стать [\[17, с. 291\]](#).

На неразрывную связь двух элементов при определении международного обычая указывается в решении Международного суда по делу «О континентальном шельфе Северного моря». В нем говорится о том, что не только практика должна быть последовательной, но и должна осуществляться таким образом, чтобы свидетельствовать об убеждении в ее обязательности, вызванной существованием правовой нормы, делающей такую практику необходимой. Требование о существовании такого убеждения, т.е. наличия субъективного элемента, лежит в основе самой идеи *opinio juris sive necessitates* [\[18, с. 77\]](#).

Следует заметить, что двухэлементная теория не требует для формирования международного обычая обязательного участия всех государств в соответствующей практике или существования единого мнения среди них о юридической необходимости такой практики. В выводе № 8 Комиссии международного права говорится о том, что такая практика должна быть всеобщей в том смысле, что она должна быть достаточно широко распространена и репрезентативна, а также последовательна.

При определении материального элемента международно-правового обычая, заключающегося в определении наличия и содержания всеобщей практики, принимается во внимание, прежде всего, практика государств. При этом практика государств, складывающееся в области правового регулирования на внутригосударственном уровне в правоотношениях с собственными гражданами, не принимается во внимание. Как указывается в п. 7 ст. 2 Устава ООН, настоящий Устав ни в коей мере не дает Организации Объединенных Наций права на вмешательство в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства. В п. 1 Вывода № 4 Заключения подчеркивается, что требование наличия всеобщей как конститутивного элемента обычного международного права прежде всего относится к практике государств.

Названная позиция о возникновении международного-правового обычая в ходе межгосударственного взаимодействия, имеющим своим объективированным выражением складывающуюся практику, разделяется многими известными правоведами. Так, Г. И. Тункин подчеркивает, что «формирование обычного правила происходит в результате общения государств, в котором каждое государство стремится к тому, чтобы закрепить в качестве нормы поведения такие правила, которые соответствовали бы его интересам» [\[19, с. 99\]](#). Х. Терлвэй отмечает, что «поскольку международное право, включая обычай, по своей сути регулирует отношения между государствами, то и практика, которая имеет значение для установления нормы обычного права, должна быть практикой (действие или бездействие), складывающейся в отношениях между государствами» [\[7, с. 72\]](#).

По мнению некоторых исследователей, понятие государственной практики относится к

каждому действию или заявлению государства, которые свидетельствуют о международном обычай [20, с. 10]. Однако не любая деятельность государства может рассматриваться как практика, связанная с формированием международного обычая. Как указывается Международной комиссией ООН, практикой в контексте образования международного обычая может считаться только такая деятельность, которая связана с осуществлением его исполнительной, законодательной, судебной или других функций. Под другими функциями понимается, в частности, коммерческая деятельность или административное руководство частным сектором [21, с. 109]. Более того, практика может принимать самые различные формы. Она включает в себя как материальные, так и вербальные акты. При определенных обстоятельствах она может включать в себя бездействие [22].

Г. И. Тункин считает, что «обычай не предпринимать действий при определенных обстоятельствах в ряде случаев, несомненно, приводит к созданию нормы поведения, которая может являться юридической нормой» [20, с. 101]. По мнению Х. Терлвэя, основным признаком бездействия как формы практики можно рассматривать его преднамеренный характер, хотя иногда очень трудно провести различия между целенаправленным воздержанием от действий и безразличием или, даже, «бюрократической некомпетентностью» [7, с. 73].

В качестве примера «преднамеренного бездействия» можно назвать дело «Лотос» Международного суда 1927 г., в ходе рассмотрения которого было заявлено, что «соблюдаемый государствами обычай воздерживаться от преследования иностранных граждан, обвиняемых в том, что они вызвали столкновение судов в открытом море, представляет обычную норму международного права» [23, с. 25].

Перечень конкретных форм, которые может принимать практика в контексте формирования международного обычая, является открытым и может включать: дипломатические акты и дипломатическую переписку; поведение в связи с резолюциями, принятыми международной организацией или на межправительственной конференции; поведение в связи с договорами; поведение исполнительной власти, включая практическое поведение «на земле»; законодательные и административные акты; и решения национальных судов [24]. При этом ни одна из названных форм практики не имеет более высокой доказательной силы чем другие, но в ходе рассмотрения конкретного случая их вклад может оцениваться как неоднородный [25].

Важнейшей отличительной чертой практики, необходимой для формирования международного обычая, является ее всеобщность. Требование всеобщности означает, что такая практика должна быть, прежде всего, широко распространена и репрезентативна, а также носить последовательный характер. Временной фактор в данном случае не имеет определяющего значения для констатации сформированности международного обычая. В этой связи Международный суд в деле «О континентальном шельфе Северного моря» указал, что истечение только короткого периода времени, само по себе, не является препятствием для формирования новой нормы обычного права. Большее значение имеет то обстоятельство, что в течение этого периода времени, каким бы коротким он не был, практика государств была одновременно и обширной, и фактически единообразной [18, с. 74].

В проекте Комиссии по международному ООН, посвященному вопросам определения международного обычая, отмечается, что практика его формирования должна

соответствовать критерию всеобщности. Под всеобщей практикой в данном случае понимается практика, соответствующая трем критериям: 1) практика должна быть довольно широко распространена; 2) должна быть репрезентативной; 3) должна быть последовательной.

Как отметил Международный суд в делах «О континентальном шельфе», практика государств, включая практику государств, интересы которых затрагиваются особо, должна быть «как обширной, так и практически единообразной по смыслу упомянутого положения» [\[18, с. 72\]](#). В то же время в деле «Никарагуа против США» Международный суд указал, что нет необходимости, чтобы рассматриваемая практика полностью соответствовала предполагаемой обычной норме. Для того, чтобы сделать вывод о существовании обычных норм, достаточно, чтобы поведение государств в целом соответствовало таким нормам, и чтобы случаи поведения государств, несовместимые с той или иной нормой, в целом рассматривались как нарушения этой нормы, а не как показатели признания новой нормы [\[26, с. 432\]](#).

Тем самым наличие определенных противоречий в складывающейся практике не исключает наличия всеобщей практике по смыслу положений пп. б п. 1 ст. 38 Статута Международного суда. В деле «О военной и военизированной деятельности в Никарагуа и против Никарагуа» было подчеркнуто, что «суд не считает, что для установления обычной нормы соответствующая практика должна абсолютно точно соответствовать этой норме... для установления существования норм обычного права достаточно, чтобы поведение государств в целом соответствовало таким нормам» [\[26, с. 98\]](#).

Комиссия международного права ООН отмечает, что в случае, если практика является всеобщей, то какой-либо конкретной ее продолжительности для формирования международного обычая не требуется [\[27\]](#). В то же время, суть практики заключается в последовательном повторении определенных действий разными субъектами, что охватывается требованием «постоянной и единообразной практики» [\[28, с. 100\]](#). Очевидно, что для того чтобы могла сложиться всеобщая практика, необходимо истечение некоторого периода времени. В этой связи теория мгновенного обычного права, предложенная Бин-Ченгом, не выдерживает критики, поскольку противоречит общепринятой двухэлементной теории обычного международного права.

Бин-Ченг сформулировал названную теорию на основании изучения нормативного характера резолюций Генеральной ассамблеи ООН 1721 А (XVI) от 20.12.1961 г. и 1962 (XVIII) от 13.12.1963 г., в которых были впервые сформулированы принципы космического права [\[29, с. 36\]](#). Данные резолюции занимают особое место в контексте формирования международного обычного права, поскольку до их принятия господствовало мнение о безоговорочном распространении суверенитета государства на космическое пространство над его территорией [\[29, с. 23-48\]](#). Однако, после запуска первого спутника в космическое пространство, государства быстро достигли согласия об установлении особого правового режима в отношении этой новой деятельности [\[30, с. 24\]](#). Идея о возможности существования «мгновенного международного обычая» нашла свою поддержку среди ряда правоведов, включая Лукашука и Макарчика [\[31, с. 494\]](#).

По сути, теория «мгновенного международного обычая» представляет собой разновидность группы одноэлементных теорий формирования международного обычая. Только в данном случае речь идет не о достаточности межгосударственной практики как единственного элемента, а о необходимости только *opinio juris* для констатации наличия

нового международно-правового обычая [32, с. 531]. По его мнению, данный элемент отражает абстрактную норму обычного международного права и определяет как ее юридическую характеристику, так и содержание [32, с. 531]. Государственная же практика, с другой стороны, служит только доказательством содержания конкретной нормы обычного международного права или *opinio juris* данного государства [32, с. 36]. Бин-Ченг заявляет, что до тех пор, пока *opinio juris* в отношении существования нового международного правового обычая не отвергнут членами международного сообщества, норма обычного международного права может быть создана «мгновенно» [32, с. 532]. По мнению данного автора, это и произошло при принятии резолюций ООН по космическому пространству, а также может произойти и в будущем, если государства-члены признают, что соответствующее *opinio juris communis* или *opinio generalis* свидетельствует о норме обычного международного права [32, с. 38]. И. И. Лукашук также поддерживает названную теорию формирования обычных норм на основании наличия только *opinio juris*. «Мгновенный обычай», по его представлению, состоит, главным образом, из норм, которые первоначально были сформулированы в международных договорах или в актах международных органов и организаций [31, с. 493]. Тем не менее им признается, что мгновенные обычай существуют наряду с традиционными обычаями, кристаллизовавшимися из государственной практики и соответствующего *opinio juris* [31, с. 508].

Таким образом, основными источниками международного сотрудничества в области противодействия незаконному обороту наркотических средств и сходных с ними веществ, являются международный договор нормативного содержания и международный обычай. В то же время сказанное не означает, что данная сфера международного сотрудничества более ничем не урегулирована: односторонние акты государств; акты международного правотворчества международных организаций; соглашения между государствами и международными организациями; аналогия также являются источниками международного сотрудничества, которые должны соответствовать основным источникам. Обычай как источник международного сотрудничества в сфере борьбы с наркопреступлениями не получил однозначной оценки в доктрине международного права, однако не существует нормативных ограничений в признании данной формы права источником международного сотрудничества в рассматриваемой сфере при соблюдении критериев нормативности обычая. Также, поскольку борьба с наркопреступлениями является примером системы опосредованного применения норм, к перечню источников международного сотрудничества относится и внутригосударственное право, в котором система источников выстраивается на основании конституционных норм и принципов каждой конкретной правовой системы.

Библиография

1. Всемирный доклад о наркотиках, 2024 год [Электронный ресурс] // Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности (УНП ООН). 2024. URL: <https://nps-info.org/resyrsy/publikatsii/vsemirnyj-doklad-o-narkotikah-2024-god/> (дата обращения: 12.04.2025). 2.
2. Waldock H. Fourth Report on the Law of Treaties [Электронный ресурс] // Yearbook of the International Law Commission. 1965. Vol. II. P. 11. 3.
3. The Oxford Guide to Treaties / ed. by D. B. Hollis. 2nd ed. New York: Oxford University Press, 2019. 784 p. 4.
4. Draft Articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts, with commentaries [Электронный ресурс] // Report of the International Law Commission on the

- work of its Fifty-third session (23 April-1 June and 2 July-10 August 2001). UN Doc. A/56/10. P. 55. 5.
5. Chimni B. S. Customary International Law: A Third World Perspective // American Journal of International Law. 2018. Vol. 112. No. 1. P. 1-46. 6.
6. Fois P. I valori fondamentali del "nuovo" diritto internazionale e il principio pacta sunt servanda // Rivista di diritto internazionale. 2010. No. 1. P. 15-34. 7.
7. Thirlway H. The Sources of International Law. 2nd ed. New York: Oxford University Press, 2019. 256 p. 8.
8. Fitzmaurice G. G. Some Problems Regarding the Formal Sources of International Law // Symbolae Verzijl: presentes au professeur J. H. W. Verzijl a l'occasion de son LXX-ième anniversaire / ed. by J. P. Fockema Andreae. The Hague: Martinus Nijhoff, 1958. P. 153-176. 9.
9. Shaw M. N. International Law. 9th ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 1032 p. 10.
10. Талалаев А. Н. Право международных договоров. Т. 1: Общие вопросы. М.: Международные отношения, 2009. 368 с. 11.
11. Дурденевский В. Н. Источники международного права // Рукописный фонд Института государства и права РАН. 1948. 120 л. Л. 31, 60. 12.
12. Oppenheim's International Law: Volume 1 Peace / ed. by R. Y. Jennings, A. D. Watts. 9th ed. Oxford: Oxford University Press, 1992. 1333 p. 13.
13. d'Aspremont J. Formalism and the Sources of International Law. Oxford: Oxford University Press, 2011. 256 p. 14.
14. Salmon J. Le droit international à l'épreuve au tournant du XXIème siècle // Cursos Euromediterráneos Bancaja de Derecho Internacional. 2002. Vol. 35. P. 15-48. 15.
15. Case of the S.S. "Lotus" (France v. Turkey) // Publications of the Permanent Court of International Justice. Series A. No. 10 (1927). P. 18. 16.
16. The Statute of the International Court of Justice: A Commentary / ed. by A. Zimmermann et al. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2012. 1648 p. Comment to Art. 38. Paras. 87-110. 17.
17. Tomuschat C. Obligations Arising for States Without or Against Their Will // Recueil des Cours. 1993. Vol. 241. P. 195-374. 18.
18. North Sea Continental Shelf Cases (Federal Republic of Germany v. Denmark; Federal Republic of Germany v. Netherlands) // ICJ Reports. 1969. P. 3. Para. 77. 19.
19. Тункин Г. И. Теория международного права. М.: Зерцало, 2000. 416 с. 20.
20. Akehurst M. Custom as a Source of International Law // British Yearbook of International Law. 1974. Vol. 47. P. 1-53. 21.
21. Ежегодник Комиссии международного права за 2018 год. Том II. Часть 2. Доклад Комиссии Генеральной ассамблеи ООН о работе ее семидесятой сессии. ООН, Нью-Йорк, 2024. 273 с. 22.
22. Практика государств: вывод № 6 (п. 1) [Электронный ресурс] // Доклад Комиссии международного права ООН. 2018. URL: https://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/2010_2019.shtml (дата обращения: 12.04.2025). 23.
23. Case Relating to the Territorial Jurisdiction of the International Commission of the River Oder (Czechoslovakia, Denmark, France, Germany, Great Britain and Northern Ireland, Sweden v. Poland) // Publications of the Permanent Court of International Justice. Series A. No. 23 (1929). P. 25. 24.
24. Практика государств: вывод № 6 (п. 2) [Электронный ресурс] // Доклад Комиссии международного права ООН. 2018. URL: https://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/2010_2019.shtml (дата обращения: 12.04.2025). 25.

- 12.04.2025). 25.
25. Комментарий к п. 3 вывода № 6 [Электронный ресурс] // Доклад Комиссии международного права ООН. 2018. URL: <https://legal.un.org/ilc/> (дата обращения: 12.04.2025). 26.
26. Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America) // ICJ Reports. 1986. P. 98. 27.
27. Практика государств: вывод № 8 [Электронный ресурс] // Доклад Комиссии международного права ООН. 2018. URL: https://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/2010_2019.shtml (дата обращения: 12.04.2025). 28.
28. Advisory Opinion of the Arbitral Tribunal constituted in virtue of the Compromise signed at Rome on 30 June 1964 (USA/ Italy) // Reports of International Arbitral Awards. 1964. Vol. XVI. 618 p. 29.
29. Cheng B. United Nations Resolutions on Outer Space: "Instant" International Customary Law? // Indian Journal of International Law. 1965. Vol. 5. No. 1. P. 23-48. 30.
30. Schlüter B. Developments in Customary International Law: Theory and the Practice of the International Court of Justice and the International Ad Hoc Criminal Tribunals for Rwanda and Yugoslavia. Boston: Brill, 2010. 368 p. 31.
31. Lukashuk I. I. Customary Norms in Contemporary International Law // Theory of International Law at the Threshold of the 21st Century: Essays in Honour of Krzysztof Skubiszewski / ed. by J. Makarczyk. The Hague: Kluwer, 1996. P. 487-508. 32.
32. Cheng B. Custom: The Future of General State Practice in a Divided World // The Structure and Process of International Law: Essays in Legal Philosophy, Doctrine and Theory / ed. by R. S. Macdonald, D. M. Johnston. The Hague: Martinus Nijhoff, 1983. P. 531-554.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью на тему «Основные источники правового регулирования международного сотрудничества в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств и сходных с ними веществ».

Предмет исследования.

Предложенная на рецензирование статья посвящена актуальным вопросам международного сотрудничества в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств и сходных с ними веществ. Автором анализируются концепции международного сотрудничества, их основные принципы, положения различных правовых актов, примеры, связанные с темой статьи, делаются выводы по поводу того, в чем особенности регулирования международного сотрудничества в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств и сходных с ними веществ. В качестве основного предмета исследования выступили, прежде всего, правовые акты, мнения ученых.

Методология исследования.

Цель исследования прямо в статье не заявлена. При этом она может быть ясно понята из названия и содержания работы. Цель может быть обозначена в качестве рассмотрения и разрешения отдельных проблемных аспектов вопроса о международном сотрудничестве в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств и

сходных с ними веществ. Исходя из поставленных цели и задач, автором выбрана методологическая основа исследования.

В частности, автором используется совокупность общенаучных методов познания: анализ, синтез, аналогия, дедукция, индукция, другие. В частности, методы анализа и синтеза позволили обобщить и разделить выводы различных научных подходов к предложенной тематике, а также сделать конкретные выводы из материалов практики. Наибольшую роль сыграли специально-юридические методы. В частности, автором активно применялся формально-юридический метод, который позволил провести анализ и осуществить толкование норм международного права. Например, следующий вывод автора: «Согласно данному подходу заключение о сформированности международно-правового обычая делается на основании соблюдения двух критериев: наличие всеобщей практики и признания этой практики в качестве правовой нормы (*opinio juris*). Названная «двухэлементная» теория легла в основу легального определения международно-правового обычая, сформулированного в пп. «б» п. 1 ст. 38 Статута Международного суда ООН».

Следует положительно оценить возможности эмпирического метода исследования. Автор приводит примеры из практики. Например, указано следующее: «В то же время в деле «Никарагуа против США» Международный суд указал, что нет необходимости, чтобы рассматриваемая практика полностью соответствовала предполагаемой обычной норме. Для того, чтобы сделать вывод о существовании обычных норм, достаточно, чтобы поведение государств в целом соответствовало таким нормам, и чтобы случаи поведения государств, несовместимые с той или иной нормой, в целом рассматривались как нарушения этой нормы, а не как показатели признания новой нормы».

Таким образом, выбранная автором методология в полной мере адекватна цели исследования, позволяет изучить все аспекты темы в ее совокупности.

Актуальность.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Имеется как теоретический, так и практический аспекты значимости предложенной темы. С точки зрения теории тема международного сотрудничества в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств и сходных с ними веществ сложна и неоднозначна. В современном мире взаимодействие государств стало сложным ввиду политической ситуации в мире. Однако для решения некоторых вопросов, например, противодействия незаконному обороту наркотических средств и сходных с ними веществ достаточно проблематично действовать одному государству без взаимодействия с другими. Сложно спорить с автором рецензируемой статьи в том, что «Международное сотрудничество в области противодействия незаконному наркообороту в современных условиях приобретает все более глобальное значение. Так, согласно данным УНП ООН, за последние 10 лет число потребителей наркотических средств и сходных с ними веществ увеличилось на 20% и составило 292 миллиона человек [1]. Данное обстоятельство требует от международного сообщества координации усилий, направленных на борьбу с наркопреступлениями».

Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только поприветствовать.
Научная новизна.

Научная новизна предложенной статьи не вызывает сомнений. Во-первых, она выражается в конкретных выводах автора. Среди них, например, такой вывод: «поскольку борьба с наркопреступлениями является примером системы опосредованного применения норм, к перечню источников международного сотрудничества относится и внутригосударственное право, в котором система источников выстраивается на основании конституционных норм и принципов каждой конкретной правовой системы». Указанный и иные теоретические выводы могут быть использованы в дальнейших

научных исследований.

Во-вторых, автором предложены идеи по толкованию применению положений отдельных международных правовых актов, связанных с темой исследования, что может быть полезно для специалистов в сфере международного права.

Таким образом, материалы статьи могут иметь определенных интерес для научного сообщества с точки зрения развития вклада в развитие науки.

Стиль, структура, содержание.

Тематика статьи соответствует специализации журнала «Международное право», так как она посвящена правовым проблемам, связанным с международным сотрудничеством в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств и сходных с ними веществ.

Содержание статьи в полной мере соответствует названию, так как автор рассмотрел заявленные проблемы, в целом достиг поставленной цели исследования, так как сделаны конкретные предложения по поводу правильного понимания и толкования источников регулирования международного сотрудничества в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств и сходных с ними веществ.

Качество представления исследования и его результатов следует признать в полной мере положительным. Из текста статьи прямо следуют предмет, задачи, методология и основные результаты исследования.

Оформление работы в целом соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Существенных нарушений данных требований не обнаружено.

Библиография.

Следует высоко оценить качество использованной литературы. Автором активно использована литература, представленная авторами из России и из-за рубежа (Дурденевский В.Н., Тункин Г.И., Chimni B.S., Fitzmaurice G.G., Thirlway H., Waldock H. и другие). Многие из цитируемых ученых являются признанными учеными в области международного права.

Таким образом, труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, обладают признаком достаточности, способствуют раскрытию различных аспектов темы.

Апелляция к оппонентам.

Автор провел серьезный анализ текущего состояния исследуемой проблемы. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. То есть автор показывает разные точки зрения на проблему и пытается аргументировать более правильную по его мнению.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Выводы в полной мере являются логичными, так как они получены с использованием общепризнанной методологии. Статья может быть интересна читательской аудитории в плане наличия в ней систематизированных позиций автора применительно к заявленным в статье вопросам.

На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны статьи

«Рекомендую опубликовать»